МЫ НЕ УВИДИМСЯ С ТОБОЙ...

Это была его новая повесть. Это продолжался рассказ о Лопатине и Гурском. Но заголовков на сей раз был неожиданным и тревожным. Обостренная интуиция ждала сердце, и где-то в глубине души стало тоскливо. Непонятно, мимолетно, но это промелькнуло предчувствие...

Его имя вошло в мою жизнь просто и обыкновенно — из школьной хрестоматии. Сперва это был, конечно, Ленка — «сын артиллериста», потом — «Жди меня». В десятом классе мы увлеклись его циклом «С тобой и без тебя». Это было так естественно в восемнадцать лет, когда тревожно сердцу и бог знает, чего ему хочется.

В свете молодых лет имя Симонова растворилось в общем понятии — «советские писатели». Но вот в мою жизнь приходит «Живые и мертвые». Сейчас уже не помню точно, на какой странице взорвалась тишина, взорвалась и кинула меня в пыль фронтовых дорог. Первым потрясением была сцена у поврежденного моста.

«Ни полковой комиссар из политотдела армии; ни подполковник из отдела формирования, ни Шмаков, ехавшие в голове и середине колонны, ни замыкавший колонну Данилов — никто из них не знал, что уже несколько часов тому назад к югу и к северу от Ельни немецкие танковые корпуса прорвали Западный фронт и, давя наши армейские тылы, развивают прорыв на десятки километров в глубину.

Никто из них еще не знал, что вынужденная остановка у моста, разрезавшая колонну надвое, в сущности, уже разделила их всех, или почти всех, на живых и мертвых».

Не знаю, как другие читатели восприняли эту последнюю фразу, но меня она растрожила... Книгу я закрыла с недоумением и даже досадой. Не на автора, нет! Почему она только сейчас попала ко мне в руки? Почему никто не указал мне на нее? Как же я жила до сих пор без этой правды о войне? Потом то узнала, что роман только что вышел в свет, и прочесть раньше я никак не могла.

Так в девятнадцать лет я заново открыла для себя Симонова — Симонова-писателя, бойца. О войне я читала и раньше, читала много, но понятие о военной обстановке складывалось из тех романов весьма примитивное: немцы наступали, мы отступали, потом колесо повернулось в другую сторону. Ах, как просто все тогда казалось.

В нашей семье фронтовые рассказы не бытовали: отец воевал в легендарном Партизанском крае, и мы, дети, прелегально знали события партизанской жизни. Но фронт нам был незнаком. И вот появились Серпилин и Синцов. И вместе с ними довелось мне пройти трудными дорогами сорок первого года: выматывающие бои, тяжелые переходы в окружении, необъяснимые случайности военной судьбы: «Синцов сорвался с места — бежать к машине. В эту секунду раздался рев пикирующего самолета. Синцов привычно бросился на землю, успев почувствовать душный запах нагретого асфальта. Когда, про-

лежав несколько секунд, он повернул голову, на дороге не было ни грузовика, ни стоявшего рядом с ним пограничника. Бомба прямым попаданием ударила в машину, на асфальте дымилась воронка, кругом лежали куски изогнутого железа, а по шоссе навстречу Синцову катилось оторванное колесо». Образ военной судьбы и удачи...

Все это было горько, тяжело. Но это была правда, та немолчаливая солдатская правда, без которой никогда не сумеешь понять ужас и бедствие войны. Для меня все это явилось потрясением, стало новым открытием и постижением войны. Трудно передать то ощущение, с каким воспринималась неразбериха первых недель войны, напряжение боев первых месяцев, духовный перелом в декабре 41-го...

Теперь имя Симонова звучало для меня чем-то очень дорогим, откровенным и честным. Все, что появлялось в печати с этим именем, я внимательно читала. Встретилась с «Товарищами по оружию», потом появились «Солдатами не рождаются»... Читала и перечитывала поразившие страницы, снова постигала тяжесть войны и мужество советских солдат, постигала не только умом — прочувствовала сердцем.

Зимой 1968 года страна готовилась отметить 25-летие победного завершения Сталинградской битвы. Как-то вечером я написала в Москву большое письмо: о своем восприятии войны, о той роли, которую сыграли в моей жизни эти книги. Адрес использовала самый кратчайший: столица, Союз писателей, Симонову. В конце письма попросила писателя прислать мне свой автограф...

Под автографом я подрамежала небольшой лист бумаги с росписью, который можно было бы вклеить в книгу! Поэтому, когда на мое имя пришла из Москвы заказная банда роль, я по пути домой как-то недоуменно-вопросительно твердила про себя: «Москва... Симонов... Москва... Симонов...». И вдруг озарение: «Да это же Симонов!» Стоит ли расписываться с каким волнением и радостью развернула, я полученную книгу. Это были «Живые и мертвые» — Ирина Савиновой на добрую память от автора. И такая знакомая роспись — Константин Симонов.

Полетели дальше дни, замескали свои дела и заботы. Появились в печати рассказы «Из записок Лопатина». К этому герою я привязалась не сразу. Потом пришло «Последнее лето». Долго не могла смириться с гибелью Серпилина. Хорошо понимала, почему именно так распорядился писатель (или война?) судьбой героя. Понимать понимала — сколько подобных случаев хранится в истории войны, хотя бы гибель генерала И. Д. Черняховского, — а смириться не хотелось. Как говорится: помирять — так с музыкой. Погибать — так чтобы врагам страшно стало. На все вопросы о гибели Серпилина Симонов аргументированно ответил в многочисленных интервью и беседах. Поэтому писать на сей раз ничего не ста-

ла — зачем беспокоить человека повторными вопросами и претензиями?

Наступило горячее лето 1972 года. Задымились торфяники, загорелся хлеб. 22 сентября на всю страну прозвучал очерк Симонова в «Комсомольской правде» — «В свои восемнадцать лет» — об отважном трактористе Анатолии Мерзлове. А месяцем раньше — в конце августа — в нашей областной печати также прошли небольшие материалы о молодом трактористе из Хвойнинского района Леониде Костерине. Те же обстоятельства, та же судьба, те же восемнадцать лет. Только об одном известном писателе рассказал в «Комсомольской правде», о другом — негромко сообщили областные газеты. Может быть, этой грустной параллелью все бы и кончилось, но «Комсомолка» снова вернулась к подвигу Мерзлова — Симонов комментировал отклики на очерк. И вот здесь меня покорило одно замечание какого-то читателя — подумай, мол, единственный случай; спасал парень трактор и погиб. Нечего из этого выводить героизма молодежи. Не откладывая мыслей до более удобного случая, пишу письмо Константину Михайловичу. Так, мол, и так — не обращайтесь на злые языки неверующих скептиков. Подвиг Мерзлова не единичен. Вот вам пример с Леной Костериной. Только «по журналистской расхлябанности» призналась я, подвиг комсомольца стал известен лишь землякам: собиралась написать, да все какие-то дела перебежали дорогу.

Ничего не ждала от этого письма: просто высказалась, сообщила факт. Спустя некоторое время получаю небольшой пакет — заказное письмо. На сей раз фамилия в обратном адресе звонилась сердцу. Это была небольшая книга стихов — «Вьетнам, зима семидесятого» с характерной скромной надписью на память. Этот немногословный привет очень меня тогда тронул.

И снова полетели годы. Со временем обнаружила одну особенность: много читала военных мемуаров и романов, но именно произведения Симонова принимала как-то по-своему, не только понимала, но переживала все своим существом. Его слова и мысли не только воспринимались умом, но их чувствовала душа, понимала «с полуслова» и откликалась. Что ни говорите, а родство душ на свете существует.

Повесть «Двадцать дней без войны» я полюбила не только за Нишу Николаевну, в характере которой обнаружила что-то общее. Меня очень тронуло, как осторожно, тактично обрисовывал писатель судьбы героев, за которыми стоят вполне реальные люди. Догадаешься — прекрасно, не узнаешь их — еще лучше, останутся просто героями. В обоих случаях достоверно. Конечно, это всего лишь мои выводы, но для меня Симонов и существует именно в личном восприятии.

Все чаще хотелось поговорить с ним: проверить точку зрения, обсудить некоторые факты из истории войны,

узнать его мнение по тому или иному вопросу. Но явиться незванным гостем я не решалась, хотя, навещая своих московских друзей, выходила на станцию метро «Аэропорт» и шла мимо его дома... Я знала, что он очень занят, ценила его время. Беседа с ним дала бы мне несомненно многое, но я опасалась оказаться неинтересным собеседником для него самого. Эту встречу, как бесценное НЗ, хранила я на будущее. А пока научилась разговаривать с ним «зачоно»: внимательно читала все его выступления в прессе, статьи, письма. Он говорил для всех, но я умела находить необходимое для себя. Помню, как поразил меня его ответ в одном из интервью на вопрос об эталоне в журналистике. Он назвал Герцена и его работу «Былое и думы».

Что греха таить, до того времени Герцен существовал для меня в школьных рамках познания. Прилежно взяла все тома этой работы... Какие потрясающие открытия сделала мой разум и душа. Сколько умных мыслей, наблюдений, сколько познавательной информации. На многие свои думы я вдруг нашла спокойные мудрые ответы. Сейчас «Былое и думы» и для меня пример высокой журналистики. Как не быть благодарной за такой дружеский, «ненавязчивый» совет — знать Герцена?

Появилось первое издание фронтовых дневников писателя. Читала не просто с интересом, а с какой-то личной заинтересованностью, находила на карте упоминаемые места, в различных сборниках отыскивала фронтовые очерки и рассказы, которые дополняли дневники. Какое было впечатление?

Закрывать книгу и долго сидела молча. Наверное, вид мой был так необычен, что проходившая мимо мать несколько настороженно спросила:

— Что это с тобой?
— Да вот, — отвечаю, — Симонова начиталась, что сама с войны пришла.

В 1975 году, когда писателю исполнилось шестьдесят лет, находилась я в Польше, в длительной командировке. Дни его рождения я, как правило, отмечала про себя. Посылать поздравление не осмеливалась — и без него, наверное, столько собиралось на столе писем и телеграмм, что не прочесть и до конца года. А здесь все-таки 60 лет. Юбилей. И столько событий в последние годы — Ленинская премия, Золотая Звезда Героя... Письмо получилось весьма длинное: поздравления со всеми достигнутыми вершинами и разговор о жизни вообще, отзывы на фронтовые дневники и добрые пожелания. Всего сейчас не вспомнить. Был приготовлен и подарок: две английские трубки фирмы «Брайяр». Одна — черная, круглая, поздравительная. Другая — светлая, небольшая, изящная. К одной из них прилагался небольшой изящный наборчик металлических инструментов, скрепленных в один узел. Как человек несведущий в тонкостях курения, я несколько скептически отнеслась к наличию этого предмета.

И. САВИНОВА.

(Окончание следует).